

ШАНЖАН ТРЯПЬЕ

ПОВЕРНУТЬ

ВСЁ ВСПЯТЬ

СОЛНЕЧНЫЙ МЕЧ

Шанжан Тряпье
Солнечный меч

«Автор»

2021

Тряпье Ш.

Солнечный меч / Ш. Тряпье — «Автор», 2021

Он просыпается посреди пустыни и ничего не помнит о себе. Всё, что ему остаётся – присоединиться к каравану, идущему в оазис, и там начать всё сначала. Всё в жизни ему придётся узнавать заново вместе со странным существом из пустыни. Он благоразумно выполняет все советы и делает всё, чего от него ждут. И всё время ищет нечто, придающее смысл происходящему. Изменится ли его жизнь? Узнает ли он когда-нибудь – кто он, откуда он, как он здесь оказался?

© Тряпье Ш., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Шанжан Тряпье

Солнечный меч

*«Ни один человек не знает,
что он приобретет завтра»
Сура 31, аят 34*

Часть 1

Первое что я помню – это долгое падение и острая боль в спине. До этого в моей голове нет ни одного воспоминания. Похоже, моё существование началось со стремительного падения с высоты и резкой боли в позвоночнике. А потом на меня упал мой меч.

Мой меч, длинный полуторный клинок, тяжёлый, как сама жизнь, упал плашмя прямо мне на грудь, отчего я, одуревший от головокружительного падения, окончательно потерял ориентацию в пространстве, и когда перед моими глазами загорелась ослепительная вспышка, сознание сразу покинуло меня.

Но всё это я вспомнил несколько позже. А сначала для меня был свет. Свет пробивался сквозь закрытые веки, окрашиваясь розовым, и я подумал бы, что я в раю, если бы не ломило спину. По моему мнению, в раю ни у кого ничего болеть не может, а значит, я был ещё живой.

Подле меня послышалась незнакомая мне речь, мужчина средних лет говорил спокойно и без злобы, поэтому я открыл глаза, желая увидеть его, кто произносил надо мной мирные речи. Сначала я увидел над собой горные выси, светлые сияющие своды небесных храмов... А потом понял, что это полог матерчатого шатра, через который просвечивает солнце. Я лежал на своей беспощадно ноющей спине и не находил в себе сил даже поднять голову, даже разлепить сохшиеся губы или пошевелить рукой.

Смуглый мужчина, закутанный в светлые одежды, наклонился надо мной. Положил тонкую руку на мой лоб и что-то сказал, обращаясь к кому-то, кого я не видел. Несколько голосов ответили ему, и я понял, что в палатке кроме нас находятся ещё мужчины в возрасте воинов. Чужие руки приподняли меня и поднесли мне чашу с водой. Так я понял, что лежу обнажённый на низком ложе, прикрытый шерстяной тканью, и увидел сидящих вокруг меня на коврах мужчин в белых и синих одеждах, их головы были закутаны светлыми тканями, а лица темны.

Тот, кто давал мне напиток, обратился ко мне на своём языке, но я только повёл глазами в стороны, делая знак, что не понимаю его. Тогда он заговорил со своими соплеменниками, и те отвечали ему, кто раздумчиво, а другие сердито, и они указывали на меня, и взгляды их скрещивались надо мной. Потом один из них подошёл ко мне, низко наклонился и посмотрел в мои открытые глаза. Лицо его было окаймлено чёрной бородой, в которой уже было немало седины, но он был прям и ловок, как юноша. От него пахло корицей и горячим песком. А когда он выпрямился, то произнёс несколько слов, после которых никто из них больше не говорил, и все они поднялись и вышли из шатра, оставив меня одного.

День закончился, и ночь снова сменилась днём, и за это время я пришёл в себя и уже мог вставать со своего ложа, и человек, который находился подле меня, дал мне странную одежду, чтобы я скрыл свою наготу. Эти одежды были подобны тем, которые носили они. Просторная полотняная рубаха до земли, и длинный плащ из некрашеной шерсти, который я неумело обернул вокруг себя, по примеру этих людей, и синяя полоса ткани, чтобы повязать ею голову, полностью скрывая волосы.

Наутро он разбудил меня рано, солнце ещё не поднялось, но я слышал, что всё вокруг пришло в движение. Пока я одевался и пил принесённое мне питьё, пришли какие-то люди, и

быстро свернули шатёр, превратив его в тюки ткани и моток верёвок. Я увидел, что этот шатёр был лишь одним из многих, подобных моему, собранных из разноцветных пёстрых тканей, и все их постигла такая же участь, и эти люди собрали все свои вещи, чтобы перевезти их на другое место.

Стоя на том месте, где только что был шатёр, босой, в непривычной грубой одежде, я увидел место, в котором я находился. Вокруг простиралось только ровное пространство, заполненное светлым песком.

И кругом были люди, которые говорили на незнакомом мне благозвучном языке и многие из них смотрели на меня и переговаривались, указывая в мою сторону. Я увидел молодых юношей с глазами, горящими подобно звёздам, и мужчин, которые походили на их отцов, с серебряными нитями в чёрных бородах, и стариков, которые были убелены сединой, но остались бодры и прямы. И я увидел женщин, закутанных в покрывала так, что только глаза смотрели над краем плотных тканей, и увешанных украшениями так, что они звенели при каждом их шаге.

Все эти люди были смуглы лицом и черноглазы, обладали они приятными чертами, глаза их были округлыми и с острыми уголками, и их тела были гибки и изящны, а движения их проворны и полны грации, фигуры их были соразмерны и всем видом они являли здоровье и достаток. И я был выше ростом и шире в плечах, чем любой из них, и сам себе казался среди них неуместным и громоздким.

Много вопросов возникло у меня, когда я увидел, как складываются шатры и собираются люди, но кому я мог задать эти вопросы, когда я не понимал их языка, и я понадеялся, что мои глаза сообщат мне ответы, и моё неведение не привлечёт ко мне лишнего внимания. Я смотрел, как люди навьючивают тюки на странных зверей с длинными ногами, как кричат погонщики и садятся верхом на лошадей всадники.

Мой страж поправил мою головную повязку так же, как она была теперь уложена у него самого, полностью закрывая лицо до самых глаз, и знаками указал мне, что я должен садиться на это диковинное животное, и посмотрев, как это делают другие, я смог повторить их действия. После этого весь день я провёл сидя на неровной спине этого существа. Оно шло ровным неспешным шагом, как десятки таких же впереди и позади, и все они были навьючены тюками, а люди шли рядом с ними. Лишь некоторые из них сидели верхом, по сторонам же ехали всадники на лошадях.

С интересом и завистью я смотрел на этих воинов, удерживающих своих коней и оглядывающих просторы песков вокруг. На их богатых поясах висели кривые сабли и широкие кинжалы, и у них были ухватки настоящих ратников.

Вскоре мне пришлось убедиться, что не напрасно сопровождают караван воины, и что их умения совершенны. Потому что я не успел заметить, откуда появились перед нами другие всадники, но хорошо видел, как слаженно и быстро воины каравана отразили их натиск. Оставшиеся в живых разбойники скрылись за барханом, но те, кто был сражён, остались лежать на песке, и предводитель каравана приказал воинам перерезать им глотки, и снять с них оружие, и оставить их посреди песков без погребения.

Когда вечер склонился к ночи, все остановились, и словно из ниоткуда появились шатры, загорелись костры, и едва я успел покинуть спину своего зверя, как уже снова был в лагере, точно таком, из которого мы отправились утром. И вновь вокруг был только песок, словно и не было утомительного дня верхом и пройденных расстояний.

Меня посадили у костра и дали сперва пряное питьё, которое я пил до того, а после обычную для них пищу – сладкие сушёные фрукты и острое жареное мясо. Потом я заснул в шатре, куда мне помог дойти мой страж, а наутро всё повторилось сначала. И так происходило много дней. Наутро лагерь складывался, и целый день мне приходилось ехать верхом на неизвестном звере, а вечером мы останавливались.

За мной присматривал юный мальчик, он помогал мне одеваться и приносил еду, подавал влажную ткань, чтобы утереть лицо и руки утром. Сперва я думал, что он наблюдает, чтобы я не сделал ничего дурного. Но потом я понял, что он следит за мной, как за неразумным ребёнком или необученным животным. Словно я был лошады, которая могла убежать в пески. Всё время он держался подле меня и постоянно говорил. Он говорил в пути и на ночлеге, говорил, когда подносил мне чашу, когда давал мне еду, когда помогал мне сначала садиться на моего зверя, а потом спускаться на землю, поддерживая меня.

Сначала я не слышал его, пропуская всё мимо ушей. Потом это стало меня раздражать. А потом я стал понимать его речь. Он называл для меня все предметы, которые нас окружали. Я узнал имена незнакомым мне вещам, которых здесь было в избытке, и тем, которые знал давно. То, чего я не мог понять, он объяснял мне жестами.

Вскоре я мог уже понимать его довольно хорошо, и начал сам складывать слова вместе. Я запомнил фразы, которые он часто произносил неизменными, слова приветствия и прощания, слова благодарности и просьбы. У меня не получалось произносить всё в точности так, как говорил он, но коль скоро он понимал меня, значит всё было в порядке.

Иногда к нам подходил тот человек, которого я определил как вождя этого народа. Он смотрел на меня, спрашивал моего стража о чём-то, выслушивал его ответ и уходил. Он был тут главным, и именно он определял, в какую сторону двигаться. Я не знаю, как он определял верную дорогу в песках, ибо когда я смотрел на них, они казались мне равномерными и однообразными, его же взгляду пустыня определённо показывала нечто такое, что скрывалось от меня. Возможно, ночами он ориентировался по звёздам.

Путь наш закончился, когда мы достигли оазиса. Так называлось то место, где посреди пустыни была вода. Были источники и колодцы, и там были шатры намного большие, чем те, которые раскрывали в пустыне. И там было множество людей, и много детей и женщин.

Я растерялся, увидев всё это, и стоял, не зная, куда себя девать, пока те люди, что оставались в селении, приветствовали тех, кто пришёл с караваном. Многие снова смотрели на меня и говорили обо мне, но одновременно звучало столько слов, что я не мог разобрать, что именно они говорили. Откуда-то возник мой спутник и потянул меня в самую гущу толпы.

Он привёл меня к колодцу, у которого мылись мужчины, скинув все свои одежды. Они смеялись и шутили, но я мало понимал в их речах. Их обнажённые тела были цвета расплавленной карамели, тогда как моё тело было светлее, чем белый песок кругом. Их волосы были черны, как ночь и вились кудрями и волнами, тогда как мои были цветом и прямизной подобны соломе. У них были сверкающие тёмные глаза и брови, словно нарисованные углём, тогда как я, заглянув в воду, увидел глаза цвета блёклого полуденного неба над пустыней и выжженные брови. Я не был похож на них, как ночь не похожа на день.

Вымыв своё тело от песка, я надел принесённые мне чистые одежды. Они отличались от тех, что мне давали в пути, и я долго не мог понять, как их уложить на своём теле, и как двигаться в них. Одежда была мала мне, я видел, что все мужчины кругом одеваются в подобные вещи, перевязывая их поясами, и накручивают на головы полосы ткани, и перехватывают тесёмками рукава, помогая друг другу.

Мальчик, который прислуживал мне, не мог дотянуться до моей головы, чтобы помочь мне с головной повязкой, и знаками показал мне, чтобы я опустил на колени. Он долго не мог понять, почему я не делаю этого, но по какой-то причине я не мог встать на колени, хотя ничего не мешало мне. Наконец, он поднялся на каменную скамью у края колодца, и повязал мою голову примерно так же, как у всех мужчин. Чтобы завязать мне рукава, ему пришлось связать тесёмки по две, потому что длины их не хватило. Длины рукавов тоже не хватало, чтобы прикрыть мои запястья.

После этого меня отвели в большой шатёр, где я сел среди воинов на ковры. Прислужники подавали непривычную еду в мисках. Я посмотрел, как справляются с ней мужчины, что сидели

рядом со мной. Надо было лепить пальцами шарики и класть их в рот. Непривычная горячая еда, приправленная не так, как дорожная пища, была странной, но вкусной. Мне хотелось есть ещё, и мне дали вторую миску, а потом густой отвар, солёный и крепкий.

Когда принесли горячий напиток в больших кувшинах, и мужчины стали пить его из круглых чашек, я уже не мог оставаться бодрствующим. Непривычная горячая еда свалила меня с ног. Я опустился на ковры и заснул прямо там же, где сидел до этого. Мальчик накрыл меня теплым покровом.

Меня разбудили наутро, и я выпил горячего горького напитка и взбодрился. Снаружи было светло, и я понял, что проспал весь день до конца и всю ночь.

После чего мой страж сказал мне, что я должен идти к вождю. Он, видимо, решил, что довольно являлся ко мне, как к больному, и пора уже мне самому прийти к нему, чтобы он мог говорить со мной.

Мальчик долго пытался объяснить мне, как я должен вести себя, как поклониться и какое почтение оказать этому человеку, но я не внимал ему. Я понял только, что они очень почитают его, и что он должно быть, великий воин, если он действительно убил столько врагов, как показывал мне мой собеседник.

Меня повели к большому красивому шатру, стоящему посередине оазиса, и страж мой указал мне на вход, сам же остался снаружи. Когда глаза мои привыкли к полутьме, поскольку свет палящего снаружи солнца был приглушён тканями, я увидел вождя, одетого в прекрасные богатые одежды и восседающего на пёстрых узорчатых коврах, и сидящих по сторонам от него мужчин. Некоторое время они смотрели на меня, ожидая, что я выполню те поклоны, которые мне показывал мальчик, но я не думал их выполнять, и некоторые мужчины нахмурились.

– Садись, гость мой, и да благословит тебя под моей крышей милосердный создатель всего сущего, – сказал вождь, указав мне место напротив себя.

– Привет и покой тебе, добрый хозяин, – ответил я выученной фразой и сел перед ним на ковер, поджав под себя ноги, так же, как делали это они.

– Отведай угощения моего гостеприимства, – указал он мне глубокую посуду с водой.

– Да не узнаешь ты нужды под кровом твоего дома, – сказал я и зачерпнул воды маленькой чашкой.

– Много времени провёл ты под сенью шатров моих, хорошо ли заботились о тебе, и не знал ли ты нужды в чём-либо?

– Благодарю тебя за заботу обо мне, щедрый хозяин, я не испытывал нужды и неудобства, помимо тех, что доставляла мне моя немощь.

– Как ты чувствуешь себя, о гость мой? Исправилось ли твоё здоровье и не тревожит ли тебя более какое-либо недомогание?

– Нет, о благородный хозяин, моё здоровье в совершенном порядке и я чувствую себя бодрым и сильным.

– Достаточно ли почтения оказывали мои люди к моему гостю, не обидел ли кто-нибудь из них тебя?

– Почтение, которым меня окружали, много превышало то, что я заслуживаю. Позволь мне благодарить тебя и твой кров за оказанную мне помощь и почитание.

Наверное, слова мои пришлись ему по нраву.

– Я Саид Нур-Ашрам, и все люди, которых ты видел, подчиняются мне, – улыбаясь, сказал мне вождь, – Поведай же мне, кто ты, незнакомец, откуда ты прибыл, и что случилось с тобою?

Простой его вопрос, которого следовало бы ожидать, внезапно поверг меня в растерянность. Рука моя с чашкой замерла, и я молчал так долго, что мужчины, сидящие в шатре, стали тихо шептать друг другу какие-то слова.

Саид Нур-Ашрам смотрел на меня, ожидая ответа, но я не замечал этого, погружившись в свои мысли. Наконец, я трудно сглотнул и произнёс:

– Я не могу ответить на твой вопрос, господин, потому что я не знаю этого.

Мужчины зашумели, произнося разные слова одновременно, но я слишком занят был своими чувствами, чтобы понимать их речи. Вождь поднял ладонь, и все они замолчали.

– Объясни мне, милостью создателя, что ты хочешь сказать мне, дорогой гость мой, потому что я не могу понять твоих слов.

– Господин, я не знаю, кто я, и как здесь очутился; не знаю, откуда я пришёл и куда направлялся; не знаю, как моё имя и откуда я родом; не знаю, что случилось со мною, и как я попал в твой дом.

– Хочешь ли ты сказать мне, что не помнишь ничего, что происходило с тобою за все годы, что ты прожил под сенью небес?

– Это так, господин.

– Что же ты помнишь?

– Я падал, – честно ответил я, – Я летел вниз и упал на спину, и мне было очень больно, а потом я увидел яркий свет и потерял сознание.

И тут мне показалось, что весь мир пришёл в движение вокруг меня. Все, кто находился в шатре, вскочили со своих мест и стали кричать и жестикулировать, указывая на меня и куда-то вверх, и простирали руки к Саиду Нур-Ашраму, взывая к нему. И только один он остался сидеть на ковре и смотрел на меня почти спокойно, только глаза его горели на тёмном лице, подобно угольям в костре. Через некоторое время он негромким голосом приказал сесть и замолчать всем, и все мужчины опустили на свои места, пристыжённые, и умолкли, глядя на него.

– Понравилось ли тебе пребывание в моём доме, странник? – спросил он, словно и не было всего гвалта вокруг меня, – Приятным ли было оно для тебя, и не устал ли ты от моего гостеприимства?

– Нет, добрый хозяин, – ответил я, – Всё, чем ты окружил меня, было хорошо и приятно, и я наслаждался каждой минутой того времени, что я провёл под твоим гостеприимным и щедрым кровом.

– Желал бы ты остаться гостем в моем народе ещё некоторое время, или ты пожелаешь покинуть нас и следовать другим путём?

Я подумал. Куда и зачем могу я пойти, не зная, где я нахожусь и куда могу попасть? Я не чувствовал в себе сил для самостоятельного существования, и не видел в нём смысла. К тому же, мне захотелось задать несколько вопросов Саиду Нур-Ашраму, который, похоже, знал что-то такое, что могло бы понадобиться мне. Но вопросы эти я хотел бы задать ему, когда нас не будут слушать все эти люди.

– Я хотел бы остаться с твоим народом, о Саид Нур-Ашрам, если ты позволишь мне, и жить так, как живёте вы, пока создателю милосердному не будет угодно направить меня на иной путь, – твёрдо сказал я, глядя на него.

Вождь просветлел лицом, и только тогда я понял, как важен для него был мой ответ, с каким напряжением он ждал его, и как радуется теперь.

– Ты можешь оставаться с моим народом и следовать тем путём, которым следуем мы, и делить с нами наш быт, пока это по нраву тебе, о дорогой гость мой, – произнёс он, наклоняя голову, – Скажи нам, каким именем угодно тебе называться, пока ты живёшь среди нас?

– Я хочу выбрать имя, которое не было бы чужим для ваших ушей и губ, господин, но я не знаю имён, которые дают в вашем народе.

– О, это разные красивые и благозвучные имена, – с улыбкой сказал он, – Вот например Фарух и Ахмед, Дауд и Рашид, Юсуф и Хасан, Али и Мустафа...

– Али, – быстро произнёс я, прерывая его речь, – Я желал бы, чтобы меня называли Али.

И снова мне показалось, что глаза его блеснули, словно он ожидал этого и опасался, что ожидания его не сбудутся.

– Это красивое и славное имя, – сказал он, наклоня голову, – Мы будем называть тебя Али, покуда тебе будет угодно это.

– Благодарю тебя, великодушный Саид Нур-Ашрам, – проговорил я, опуская голову в ответ.

– Мои люди поставят для тебя шатёр, о Али, и ты сможешь жить там, и я пришлю тебе слуг, чтобы они заботились о тебе и готовили для тебя одежду и пищу.

– Благодарю тебя, великодушный Саид Нур-Ашрам, – повторил я опять, – И позволь мне покинуть тебя сейчас, чтобы присоединиться к тебе позднее.

Мне нужно было время, чтобы сложить в уме те вопросы, ответов на которые я хотел от него, и я решил ждать, пока мне представится возможность задать их ему.

– Иди с миром, Али, и будь благословен, – ответил он мне.

Я поднялся на ноги и вышел из шатра. Свет солнца показался мне очень ярким, и я покачнулся, но мой страж поддержал меня. Мальчик ждал меня у входа всё время, пока я находился внутри. Дойдя с его помощью до шатра, который уже поставили для меня, я чувствовал себя таким усталым, словно шёл весь день. Я лежал на коврах среди подушек, смотрел вверх, туда, где сходились своды, и голова моя была пуста. Ни одна мысль не посещала мой разум в эти минуты.

Под вечер мальчик снова прибежал и сказал, что Саид Нур-Ашрам зовёт меня в свой шатёр с просьбой разделить с ним пищу и беседу. Пришлось мне вставать и идти к моему гостеприимному хозяину.

Он был в шатре один, только сновали вокруг женщины, чья внешность полностью была скрыта просторными одеждами. На нём был длинный кафтан без рукавов и рубаха из тонкого полотна, перевязанная широким вышитым кушаком, за который был заткнут украшенный кинжал. Мы обменялись приветственными словами, и Саид подал мне воды в чашке.

– Создатель, всеблагий и всемилостивый, привел тебя на мой путь, а меня направил на встречу с тобой, о Али. Будь мне другом отныне, и позволь мне называть другом тебя.

Я принял воду из его рук и выпил её.

– Я буду твоим другом, о Саид, – сказал я ему, – Это большая честь для меня и я благодарен создателю за нашу встречу и твою благосклонность.

Он улыбнулся и протянул руки, мы обнялись, как это делают друзья. Саид был ниже меня ростом, но тело его было твердым и сильным, и я подумал, что он мог бы побороть меня в поединке.

Мы опустились на ковры, и я осмотрелся, разглядывая внутреннее убранство шатра.

– Взгляни, о Али, – произнес Саид, обводя рукой вокруг, – Такова наша жизнь. Мы ставим шатры и устраиваем в них обиталище.

Здесь всё было покрыто пышными тканями, а на коврах для удобства было положено множество подушек разной формы. Я заметил, что пространство большого снаружи шатра изнутри намного меньше, и не сразу догадался, что внутри он разгорожен на отдельные комнаты для удобства и уединения обитателей.

– Я нахожу это весьма удобным для жизни, о Саид

На самом деле всё казалось мне немного странным, потому что было как будто несоответственно мне, слишком велик я был для этих низких предметов, столиков и подушек. Но я приписал свое неудобство высокому росту. Подложив под спину подушки, я устроился весьма благоприятно.

– Вот мой старший сын Карим, – указал Саид на мальчика, что сопровождал меня, – Я взял его с собой впервые, и я рад, что в первом своём походе он встретил тебя, о Али, и мог быть полезен тебе.

– Твой сын, – отвечал я, – Дстойный и прилежный юноша. Благодаря ему я познал слова языка, на котором говорю, и знаю, как правильно входить и выходить.

Мои слова понравились Саиду, он улыбнулся.

– Хорошо ли он служил тебе все это время?

– Когда я смогу отблагодарить юного Карима, – сказал я, – Я буду рад сделать это тем способом, который принят.

– Через год он уже сможет водить караваны, а через пять лет жениться.

– Разумно ли, о Саид, – отвечал я, – Чтобы мальчик, который слишком юн для женитьбы, уже водил караваны?

– О Али, – засмеялся мой друг, – Уметь водить караваны – не значит водить их. В следующий поход, когда я возьму его с собой, я увижу, так ли щедро одарил его создатель, как меня.

Саид подал знак, и Карим подвинул к нам низкий столик, а женщины поставили на него множество привлекательных и вкусно пахнущих блюд и кувшины с напитками. Стоило Саиду поднять руку, как женщины словно растворились, и Карим вышел за занавеску, оставив нас вдвоём за пышно накрытым столом.

– Благословен сей миг, собравший нас в этом месте, – произнёс он, воздев руки вверх, – Благословенна щедрость создателя, позволяющего нам вкушать эти яства. Благословен и ты, гость мой и друг мой, что разделил со мной этот час.

Произнеся эти краткие слова, он сам приступил к еде и предложил мне сделать то же самое. О, эти кушанья мало напоминали ту пищу, которую мне давали до сих пор, пока мы были в пути. Глядя, как я ем, Саид Нур-Ашрам лишь улыбался и предлагал мне попробовать ещё что-нибудь. Сам он ел весьма умеренно.

– Ты сказал – старший сын, о Саид, – продолжал я наш разговор, – Много ли у тебя ещё сыновей?

– У меня есть ещё два сына, о Саид, – отвечал он, – И я хотел бы, чтобы в этом шатре стало больше мальчиков, будущих воинов и водителей караванов.

Когда я утолил первый голод, он налил мне в чашу приятного прохладного напитка и откинулся на подушки.

– Твой аппетит делает честь моему дому, о Али, – сказал он, – И если тебе так нравится то, что ты ешь, значит, мои жёны не разучились вкусно готовить за всё то время, которое я был в отлучке.

– Благодарю тебя за доброту и щедрость, о Саид Нур-Ашрам, – произнёс я, – Всё, что ты предложил мне в твоём доме очень хорошо и приятно. Но поведай же мне скорее, чем я могу отблагодарить тебя на деле. Ведь я уже здоров, как ты видишь, и ты мог бы найти мне дело, как находишь всякому мужчине из своего народа.

– Мне приятно слышать твои слова, о Али, – сказал он, – И я могу сказать тебе, что знаю дело, которое наверняка подойдёт и будет тебе приятно. Но прежде позволь мне спросить тебя...

– Спрашивай меня, о благородный Саид Нур-Ашрам, но боюсь, что не смогу порадовать тебя ответом, поскольку знаю я о себе не больше, чем когда открыл глаза в твоём шатре.

– Это не беда, о Али, – ответил он и улыбнулся, – Потому что ответ на мои вопросы будет происходить из того, что ты за человек, а не из того, что ты помнишь о себе.

– С готовностью тебе отвечу, – улыбнулся и я.

– Позволь мне сначала рассказать тебе о том, как живёт мой народ. Ты видишь, о Али, что в этих местах нет ни пастбищ, ни виноградников, ни полей, ни садов. Вокруг нас пустыня, и мы почитаем её мудрость и доверяем ей наши жизни. Оазис даёт нам приют, но недостаточно финиковых пальм, растущих здесь, чтобы прокормить мой народ. Далеко отсюда, много дней пути в разные стороны, находятся изобильные города, где живут богатые люди, и у них есть разные товары, которые нужно доставлять туда, где ничего подобного нет.

Он многозначительно замолчал и сделал глоток из своей чаши.

– Тогда собираются караваны и идут через бескрайнюю пустыню, и только провидение может уберечь их от опасностей открытых песков, от коварства пустыни... Караван может заблудиться, песчаные бури и лихие люди угрожают ему, и никак не обойтись тем, кто отправляет караваны, без меня и моего народа. Мы хорошо знаем пути пустыни, поэтому караваны достигают цели, и если недобрые люди захотят напасть на караван, мои воины всегда сумеют защитить его.

– Всё это разумно и правильно, о мудрый Саид Нур-Ашрам.

– О Али, хочешь ли ты сопровождать караваны вместе со мной и моими воинами?

О, хотел ли я скакать возле каравана на быстроногом жеребце, держа ладонь на рукояти кривой сабли, а если лихие люди встретятся нам, пустить её в ход?!

– А ты дашь мне кривую саблю и коня? – спросил я.

– И много золотых цехинов, о Али, и прекрасные ткани, и дорогие пряности, и много того, что ты только сможешь пожелать, – сказал он.

– Я согласен, о господин, – произнёс я, – Я буду сопровождать караваны в числе твоих воинов.

– Да услышит создатель твои слова, о Али, и да будет он свидетелем нашему договору. Будь же моим братом отныне.

– Скажи мне, о Саид, как я попал в твои шатры? – задал я вопрос, который давно занимал меня.

– О Али, мои люди нашли тебя лежащим без сознания посреди песков и подумали сперва, что ты уже отдал свою душу создателю. Но приблизившись, они увидели, что ты ещё жив, и доставили тебя в караван. Я приказал стоять лагерем, покуда ты придёшь в себя и сможешь идти с нами.

– Прости меня, о Саид, что я нанёс, сам не ведая того, ущерб твоим планам. Надеюсь, что я не задержал тебя надолго.

– Планы человеческие – лишь тростинки, колеблемые ветром, тогда как планы создателя – горы, стоящие несокрушимо, – повел рукой Саид, – Задержка наша была очень мала, ты оправился на удивление быстро. Ведь кое-кто из моих людей говорил, что ты не проживёшь и дня.

– Благодарю тебя снова и снова, о великодушный Саид, ведь я обязан тебе своей жизнью. Когда же я смогу воплотить свою благодарность в делах своих для пользы твоего народа и твоей славы, брат мой?

– Не спеши торопить происходящее, о Али. Такая возможность, благодарение создателю, представится тебе ещё не один раз.

Когда я вернулся в свой шатёр после долгих разговоров с Саидом, к которому я чувствовал необъяснимое расположение, ночь уже перевалила за середину, и луна на небе пошла на ущерб. Мой шатёр был намного меньше, чем у Саида, и одного моего присутствия хватало с лихвой, чтобы наполнить его, но почему-то, ложась на своё ложе, я почувствовал себя странно и неуместно одиноким.

На следующий день я вновь пришёл к Саиду. Он хотел показать мне своё оружие, чтобы я смог подобрать себе по руке подходящее. Когда я увидел все эти прекрасные клинки, у меня глаза разбежались, я ахнул и упал на колени на ковры, где было разложено множество замечательных сабель. Саид наслаждался произведённым впечатлением, довольно посмеиваясь. Он был страшно горд тем, что обладал таким богатством, и что я могу по достоинству оценить его.

Мои глаза и пальцы перебежали от одной сабли к другой, от светлых, подобно молниям, клинков к тёмным, как глубины вод, и пёстрым, как шкурка змеи с разводами. Рукояти их были украшены вырезными полосами кожи и плетёными ремешками, кистями и шнурами, их гарды были усыпаны драгоценными камнями, что привлекают внимание противника и могут

отвлечь своим блеском от боя. Изгибы клинков были плавными и точно выверенными, один вид их говорил мне, как они хороши в руке и надёжны в бою.

Но я брал в руки одну саблю за другой, и каждую откладывал в сторону. Ведь я был почти на голову выше Саида, и намного шире его в плечах, а эти сабли создавались мастерами для руки сына этого народа, для стройного и подвижного воина, а не для меня, который был тяжелее любого из них вдвое. Саид смотрел на это, а потом сказал мне:

– Подожди.

И ушёл за занавеску, разделяющую шатёр. Я ждал его, сидя над россыпью великолепных сабель, ни одна из которых не была достаточно тяжела для моей руки. Вскоре Саид вышел, неся в руках ещё одну саблю, укрытую платком. Он молча протянул её мне. Я взял за рукоять, и едва мои пальцы сомкнулись, как я понял, что эта сабля подходит мне. Я ещё не откинул ткань, скрывавшую клинок, а казалось, уже давно знал его.

Увидев, как я взмахиваю саблей вверх и над плечом, Саид сощурил свои чёрные глаза и произнёс:

– Я даю тебе эту саблю, о Али.

– Благодарю тебя, о Саид, – отвечал я ему, разглядывая своё приобретение.

Она была так проста, как только может быть проста кривая сабля. С виду она не казалась больше или тяжелее других сабель, что я пробовал. На ней не было ни узоров, ни украшений, ни драгоценностей. Это была простая и бедная старая сабля, но она точно сидела в моей ладони, и её клинок действительно был достаточно тяжёл и длинен для моей руки, и потому она порадовала меня, как ни одна другая.

Несколько дней я упражнялся с кривой саблей.

Потом Саид привёл меня туда, где паслись табуны его коней, но не дал мне выбирать, а сразу отдал приказания погонщикам. Они выгнали из табуна коня, который отличался от лошадей пустыни, как песок от воды. Пустынные лошади были поджарые и сухие, с тонкими ногами и аккуратными головами, высоко поднятыми на длинных крутых шеях. Этот же конь был выше и крепче, и весил наверняка вдвое против любого из скакунов пустыни. И когда лошади песков были золотистыми, гнедыми и рыжими, этот конь был серого цвета, словно горел и покрылся пеплом.

– Я хотел избавиться от него, – сказал Саид, – Но рука providения удержала меня. Теперь он твой, о Али.

Лошади пустыни были красивы, но вряд ли их спины выдержали бы меня. А этот конь, хотя и не выглядел быстроногим, был мне под стать. У меня не было ничего, чтобы угостить его, и я сунул ему под нос кулак. Он всхрапнул и попытался укусить меня.

– Вижу, что вы сможете поладить, – засмеялся Саид.

– Когда же я смогу наконец воспользоваться всеми твоими дарами, о благородный и щедрый Саид? – воскликнул я в нетерпении.

– Не спеши, брат мой, – ответил мне он, – Едва народится на небе новая луна, как будет гонец с известиями, которых я ожидаю, и мы скоро соберёмся в путь.

Я похлопал коня по шее.

– Я буду служить тебе, о Саид Нур-Ашрам, пока создателю будет это угодно.

– О Али, – усмехнулся он, – Одному создателю известно, сколько это продлится.

Оставив коня в табуне, мы пошли с ним обратно в селение. Я хотел уже войти к себе в шатёр, но Саид остановил меня.

– Пойдём со мной, о Али, я дам тебе красивые одежды, ибо сегодня мы должны быть на свадьбе.

– Нет, о Саид, – сказал я ему, – Твои дары не знают границ, но меньше всего нуждаюсь я сейчас в красивой одежде, когда ещё не сделал ничего, чтобы оправдать те дары, в которых

нуждался. Ты и так дал мне всё, что у меня есть, да ещё и жизнь в придачу. Всё остальное я сумею взять в бою, если создателю будет угодно это.

– Лучше тебе не спорить со мной, о Али, – заметил он, – Потому что как только окажешься ты среди нарядных и украшенных людей, тебе станет неловко, и ты будешь смущен, и захочешь уйти с праздника. Я не смогу дать тебе одежды по росту, но, по крайней мере, я найду красивую накидку и браслеты, чтобы ты оказал приличие торжеству.

Карим подал мне приготовленную для меня верхнюю одежду и широкие браслеты, которые помогли скрыть голые запястья в коротких рукавах моих одежд. Потом он причесал мои волосы и смазал их ароматной водой, чтобы они лежали красиво, и надел мне на лоб обруч с зеленым камнем.

О, свадьба эта запомнилась мне. Все и так было для меня ново, но обыденная жизнь в караване и в оазисе была не такой яркой и громкой, как свадьба. Праздник обрушился на меня яркими цветами и звонкими звуками музыки и песен, каких я раньше не слышал. Я словно попал в разноцветный хоровод, кружащийся слишком быстро.

Я оказался в большом шатре, где было собрано всё, чтобы усладить каждое чувство человека. Красивые и нарядные люди радовали мои глаза, играла музыка для моего слуха, приятно пахло благовониями, нас усадили на мягкие ковры среди вышитых подушек и подавали вкусную пищу.

Невеста, покрытая тонким прозрачным покрывалом, закрывающим лицо, а по нему ещё и вторым, плотным и густо расшитым золотом, что спускалось на плечи и спину, сидела на коврах и подушках в глубине шатра. Жених, молодой воин из тех, кого я видел в караване, перемещался между гостями, поддерживая разговор и принимая поздравления и славословия.

Нас с Саидом усадили на почетные места, рядом с нами находились отцы молодых супругов, а по другую сторону стола – их матери и сестры. Я с любопытством рассматривал всё незнакомое мне и удивительное.

Полагаю, здесь были все жители оазиса. Все они были одеты в лучшие одежды, соперничающие яркими цветами и блеском украшений. Здесь я возблагодарил Саида за то, что он заставил меня принять красивый плащ и украшения, иначе я выглядел бы на празднике, как нищий.

Здесь я впервые мог рассмотреть женщин этого народа, и они поразили меня. В караване я видел женщин, закутанных по самые глаза, так что я даже не знал, каковы они внешне. Женщины в шатре Саида тоже были скрыты вуалями. Теперь же я видел множество женщин, разодетых в отменные шелка, которые скрывали не больше, чем необходимо.

Они были стройны и соразмерны, и их движения были изящны и грациозны, и поражали они тонкостью талии, и пышными бёдрами, и круглыми грудями. Прекрасные волосы их были распущены по плечам или покрыты искусно сделанными уборами. Одежания их открывали глазу лишь их красоту, но не представляли глазу ничего излишнего. Все женщины до единой были увешаны золотыми украшениями, которые при каждом движении производили мелодичный звон.

И лица их были приятны и миловидны, с чистой смуглой кожей, свежим румянцем на щеках и яркими губами. Их улыбки были приветливыми и радостными, и смех их звенел подобно их украшениям.

Я не успевал следить за происходящим, постоянно рассматривая всё окружающее меня. Вокруг кипело и разворачивалось веселье, и сидя на коврах подле Саида, я только смотрел по сторонам.

Посреди шатра танцевали молодые красавицы в прозрачных шелках, и воины смотрели на них. Танец их был самозабвенен и свободен, словно двигается трава под ветром, так легко раскачивались их бедра, волны пробегали по изгибающимся телам, вздрагивали груди и руки совершали плавные жесты. Пояса низко на их бёдрах бренчали тысячами монет и бубенцов

в такт музыке, и когда их тела начинали мелко вибрировать, словно рябь пробегает по воде, эти украшения рождали звенящий шум, подобный шороху песков, но намного более громкий. Кровь бросилась мне в лицо...

Каждая женщина в шатре танцевала. Юные девушки, вчера ещё бывшие детьми, и молодые женщины, сулящие мужчине бесконечные ночи, и женщины, которые уже произвели на свет многих детей, все они, каждая по-своему, танцевали этот волшебный танец, повествующий о том, что встаёт солнце и восходит луна, и ветер гонит песок пустынь, и мужчина приходит к женщине, чтобы завоевать её силой, и остаётся с ней навсегда, потому что не встречает сопротивления. О том, что создатель сделал мужчину и дал ему женщину, и ему угодно чтобы связь эта только укреплялась, и что каждой женщине здесь известно, как сделать мужчину счастливым, и что ни один из воинов не пожалеет, избрав их в жёны.

– Наш обычай мудр, о Али, – сказал мне Саид, – Женщины учат своих дочерей с малых лет повиновению мужчинам, оттого нам так легко и приятно жить с нашими жёнами. И мы одариваем их богатыми подарками, а они улаживают нас и наполняют нашу жизнь приятностью.

– Весьма мудры обычаи твоего народа, о Саид, – согласился я.

– Мужчина же может иметь несколько жён.

– Сколько жён у тебя, о Саид?

– Две, и могу сказать тебе, что этого немало, – он покачал головой.

– Сколь обильно украшены женщины твоего народа, но даже это не может затмить их красоты.

– О Али, – засмеялся Саид, – Эти женщины надели все украшения, которые дарили им их мужья и отцы, и они всегда поступают таким образом.

– Почему же, о Саид?

– Потому что муж может развестись с женой очень быстро, если есть четыре свидетеля, достойных доверия. А если такое случится, то она может взять себе только то, что было на ней.

Засмеялся и я, этот обычай показался мне очень умно измышлённым.

– Ну а раз она может забрать всё это богатство с собой, разве захочет мужчина развестись с ней так скоро? – сказал я.

– Потому-то это и происходит так редко, – подтвердил Саид, – Хотя благонравие жены не заменить никакими украшениями, и никакое золото не поможет женщине сохранить мужа, если она строптива и имеет дурной характер.

– Ведь воин всегда может найти другие украшения для другой красавицы, пока у него есть сабля, и силы её держать.

– Истинно так, о Али, истинно. Ничего не принадлежит женщинам по нашему закону. Но всё они могут получить, что пожелают, и мы отдаём им это по своей воле.

Мне дали в руку не чашу, из какой пили воду и горячие напитки, но высокий стакан с узорной поверхностью. Я пригубил напиток, красный, как кровь. Он был сладким и кислым и пощипывал язык.

– Это вино, священная душа лозы, – сказал Саид, – Запретен этот напиток в простые дни, но и праздник без него – не праздник.

– Почему так, о Саид?

– Потому что радуется душа лозы кровь и веселит сердце.

– Чем плохо это в любой день человеческой жизни?

– Не должен быть любой день жизни подобен празднику, – отвечал он, – Веселье и радость – не для каждого дня.

– Жизнь человеческая полна тягот и лишений, и сложных испытаний, и трудных забот, – я снова пригубил вино, – Почему же не может человек хоть немного улучшить свой день, если есть такое средство?

Саид улыбнулся.

– Не пей много вина, о Али. Я знаю, что настанет день, когда ты не остановишься и выпьешь больше, чем нужно, чтобы стать веселым. Тогда ты поймешь, почему я так говорю.

– Как же я узнаю, что выпил слишком много?

– В тот день – никак. Ты узнаешь это на следующий день.

– Какой же смысл в таком знании? – не понял я его.

– Чтобы узнать, сколько ты можешь пить, а когда пора остановиться.

– Почему же ты, мой друг, не скажешь мне, сколько дозволено пить?

– Сегодня хватит одного стакана. Потом ты будешь знать больше.

– Хорошо, – согласился я, – Простое указание легко выполнить.

Я поставил белый стакан с вином подле себя и весь вечер отпивал по небольшому глотку. Другие напитки тоже были хороши – сладкие и кислые, и с пряным вкусом приправ, и горькие холодные, освежающие.

– О Саид, – спросил я, – Но что же создатель даровал людям для того, чтобы возрадоваться каждому дню?

Он улыбнулся и погладил меня по руке.

– Создатель в неизъяснимой милости своей даровал нам небо и землю, солнце и луну, звезды и ветер. Мужчинам он даровал женщин, лошадей и сабли, а женщинам – красивые одежды, украшения и мужчин. Он даровал нам вкусную пищу и питье, и счастье жить этой жизнью каждый день.

– Достаточно ли этого? – усомнился я.

Саид тонко улыбнулся.

– Достаточно для каждого дня, о Али. Кроме того, для людей создатель приготовил познание.

– Что это?

– Неисповедимы пути создателя и не может человек познать его замыслы, ибо они так велики, что незримы для человека. Но познать даже самую малую частицу этих замыслов – великое наслаждение для человека.

По моему лицу понял он, что мне неясно такое объяснение.

– Когда ты очнулся в шатре, о Али, ты не понимал ни слова, что мы говорили тогда при тебе?

– Ни слова, о Саид.

– Но потом ты узнал наш язык и стал понимать речь?

– Так, о Саид.

– Потом же ты начал складывать слова в фразы и теперь говоришь со мной свободно.

– Да, всё это было.

– Радовался ли ты, когда стал узнавать речь и смог понимать и говорить?

– И очень сильно, о Саид! – воскликнул я, – Тяжело быть глухим и немым и не знать ничего, что тебя окружает!

– Вот ты и сказал, о Али! – он рассмеялся, – Ребёнок радуется, что может ходить и хватать что пожелает. Юноша садится на коня и берет саблю, девушка делает первые стежки иголкой. И все радуются, что познают все больше.

– Велика твоя мудрость, о Саид...

– Велика мудрость создателя, что устроил мир таким образом.

– Но приходит день, в который этого становится недостаточно?

– Когда же приходит день, в который этого недостаточно, и люди начинают роптать на создателя...

– Что же делают они, о Саид? Что я буду делать, когда придет этот день?

– Разве тебе плохо с нами, о Али? – удивился он, – Почему должен прийти такой день, когда ты станешь недоволен жизнью?

– Но он же настанет?

Я посмотрел на него прямо, и он отвел взгляд.

– Да, о Али, – произнес Саид, – Этот день настанет.

– Что же мне делать тогда? – повторил я, – Что делают люди в такие дни?

– Нашли же мы с тобой время, чтобы говорить о плохих днях посреди хороших!

– Не уваливай от ответа, о Саид.

– В плохие дни женщины плачут, а мужчины вдыхают дым наргиле, чтобы забыться.

– Что же, – решил я, – Плакать я не стану. А с дымом... Подождем до лихого дня, ибо я не спешу узнать, что это такое.

До поздней ночи продолжалось веселье, а потом я заснул прямо там, на подушках, под музыку и пение. Наутро я проснулся один в опустевшем праздничном шатре. Мне было одиноко, и печаль овладела моим сердцем. Никто не подал мне воды, и никого не беспокоило, вернулся ли я в свой шатёр. Был уже день, и солнце успело подняться над краем песков. Я вышел из шатра и пошёл вглубь селения.

Мне пришлось пройти мимо колодца, где женщины набирали воду. Снова чинно покрытые длинными платьями и платками, они, тем не менее, весело смеялись и болтали друг с другом, подставляя свои кувшины под струю воды, и совсем не торопились поскорее разойтись по домам. Завидев меня, они сразу перестали веселиться и сделались спокойными и скромными. Одна из девушек поставила кувшин с водой себе на голову и пошла между шатрами чуть впереди меня. Её стройный стан был так ровен, а бедра так покачивались из стороны в сторону, что я не мог оторвать глаз от её фигуры. Вскоре она свернула с моего пути.

Я пришёл к шатру Саида, хотя расстались мы с ним лишь несколько часов назад. Пока я ожидал, сидя возле входа, как требовал того обычай, не позволяющий мужчине входить в шатёр, пока хозяин не пригласит его, мимо меня проскальзывали жёны Саида, закутанные в покрывала, безмолвные, грациозные и загадочные в своём молчании. Наконец, вышел Карим и поклонился мне, и сказал, что отец просит меня войти в его дом.

Саид приветствовал меня, протягивая мне руки.

– Привет и покой тебе, о Али. Входи же, и скажи мне, что привело тебя ко мне в этот час?

Он усадил меня на подушки, и мне подали воды и кофе со сладостями. Я думаю, что он сразу понял, чего я хочу, но учтивость, так свойственная этим людям, не позволяла ему заговаривать об этом первым. Я выпил воды, провёл ладонью по воспалённым глазам.

– Я хочу взять жену из твоего племени, о Саид Нур-Ашрам.

Молча смотрел на меня этот пронизательный человек, и ни одной его мысли не мог я прочесть на его лице.

– Тебе нужна женщина, – наконец сказал он.

– Да.

– Али, я не могу дать тебе в жёны ни одну из дочерей моего народа.

Ответ поразил меня. Я был растерян и разочарован. Я желал, чтобы у меня была женщина, подобная тем, которых я видел вчера, и вот оказывается, что по какой-то причине это невозможно.

Намного позднее только я смог оценить прямооту, с которой дал мне ответ Саид. В его народе не принято было напрямую отказывать, говорить неприятные вещи, и собеседники учились по малейшим признакам угадывать, что не получают того, о чем просят. Но в тот день Саид оказал мне большую милость, когда прямо сказал, что мои чаяния напрасны. Но в тот час я не мог понять этого, и откликнулся лишь на его слова, не оценив любезности.

– Почему так, о Саид?

– Али, посмотри на сынов и дочерей моего племени. Они во всём подобны друг другу, их вид, ум и повадки сходны, как зёрна в колосе, потому что из века в век вожди не позволяют мужчинам брать жён из других земель. Так мы храним чистоту нашей крови. Если же

мои воины начнут привозить себе жён из далёких краёв, то вскоре женщины своего племени перестанут нравиться им, и родители девушек станут беспокоиться о том, смогут ли они найти мужей своим дочерям. А потом родятся дети, которые не будут походить друг на друга, потому что у них будет разная кровь. Моё племя потеряет свою чистоту.

– Твои слова справедливы, о Саид, – признал я.

– Взгляни на моих людей, о Али. Сколь отважны и ловки мужи моего племени и сколь красивы и благонравны жёны. Все купцы хотят, чтобы мои воины сопровождали их караваны. Из далёких краёв властители человеческих судеб присылают мне девушек, чтобы они учились танцевать чудесный танец моего племени, и я беру большие деньги за это, но ни одна из этих чужестранок не достигла такого мастерства, как самые скромно одарённые дочери моего народа.

– И это так, о Саид...

– Я не могу нарушить чистоту, которая служит залогом совершенства моих людей. Женщины моего народа предназначены только для мужчин нашей крови.

И опять вынужден был я признать его правоту.

– К тому же, о Али, должен я сказать тебе, что по своей воле за тебя не пойдёт ни одна из наших девушек. А выдавать девушку замуж против её воли мне не велит мой закон.

– Почему же, о Саид, они не хотели бы этого?

– Потому, о Али, что ты отличен от наших мужчин, а только их находят привлекательными наши женщины.

– Что же, я недостаточно хорош для них?

– Слишком ты непохож на нас.

– Это не помешало тебе предложить мне разделить с твоим народом его жизнь.

– Я не капризная женщина, Али, а вождь, который должен знать, что лучше для его людей, – улыбнулся Саид и продолжал, – Я назвал тебе те причины, которые не позволяют мне дать тебе жену из моего племени. Но эти причины не умаляют твоей нужды, о Али. Тебе нужна женщина.

– Так что же, о Саид, ты можешь сделать для меня?

– Есть много путей для мужчины получить женщину, мой друг, – отвечал он, – И когда мы пойдем в поход, ты можешь купить на базаре невольницу и привезти её в свой шатёр.

Я нахмурился, это было долго и неизвестно ещё, когда мы пойдем в поход, и когда попадется подходящая девица. Такие хлопоты не были мне приятны. К тому же, я хотел бы приобрести женщину, которая хотела бы быть со мной по своей воле – и по закону этого народа, что не велит выдавать девушку замуж без её желания. Невольница, которой не мила её жизнь, вряд ли смогла бы украсить мое существование.

– Ты прав, о Саид, – сказал я, – Но я не желаю приводить в свой шатёр женщину, такую же чужую твоему народу, как я сам. Женившись на одной из ваших дочерей, я желал бы соединиться с твоим народом, принявшим меня. Стать одним из вас, познав вашу кровь и плоть. Соединяясь с женщиной, что чужая твоему народу, я лишь создал бы союз двух чужаков внутри оазиса. И это ни на шаг не приблизит меня к моему желанию стать одним из вас.

Саид очень серьезно выслушал меня, и некоторое время раздумывал над моими словами.

– Если так рассуждать, то ты прав, о Али, – наконец, сказал он, – Но увы, правота твоя не приближает нас к решению.

– Ничто не приближает нас к решению, о Саид, – ответил я уныло.

– Вставай, о Али и седлай своего коня. Проверь, так ли он хорош в деле.

Неожиданными были его слова, но я встал и отправился исполнять их. Когда я сел на своего коня, Саид уже подъезжал ко мне на белой кобыле. Он сделал мне знак следовать за ним, и я направил коня подле него. Мы углубились в пустыню, и когда верхушки пальм скрылись за барханами, он сказал мне:

– Ты исполняешь одно предсказание за другим, о Али. Если бы не было мне предсказано твоё появление, неужели ты думаешь, что я подобрал бы в пустыне неизвестного человека, и привёл бы его в свой народ, и предложил бы ему то, что предложил тебе?

– Я был удивлён этим, о Саид, и не знаю, почему ты так поступил.

– Потому, о Али, что я вождь, а вождям ведомо многое из того, что сокрыто от прочих людей.

– Ты хороший вождь, о Саид Нур-Ашрам.

– Ты исполняешь одно предсказание за другим, – повторил он, – И потому говорю я тебе, о Али, что ты найдёшь женщину в пустыне.

– Что ты говоришь, о Саид? Откуда же в пустыне возьмётся женщина?

– Не сомневайся в моих словах, о Али, – хитро сощурился он, – Пустыня изобильна и щедры дары её. Обещано было, что так случится, потому говорю тебе – ступай в пустыню, и она одарит тебя.

– Будь по-твоему, о Саид. До сих пор всё, что ты делал для меня, было хорошо. Но что если я не увижу в пустыне женщину?

– Если к тому часу, когда солнце коснётся барханов, ты не найдёшь в пустыне её дара, я дам тебе в жёны любую из дочерей моего народа, – уверенно сказал он, – Но будь честен, Али, и не обманывай меня.

– Я согласен, о Саид. Если я найду в пустыне женщину, я привезу её в оазис и сделаю своей женой.

На этом мы и расстались. Саид развернул свою лошадь и поскакал обратно в селение, я же углубился в просторы песков.

Я отпустил повод, и конь мой шёл наугад по распадинам между барханами и поднимался на их гребни. Я смотрел по сторонам, и сомнение теплилось в моём сердце. Только что я был уверен в том, что невозможно мне найти женщину в бескрайней пустыне, и вот уже думал о том, что случится, когда я наконец увижу её. Так провёл я много времени, всё больше удаляясь от той стороны, в которой находился оазис.

Уже невысоко стояло солнце над кромкой песков, и я стал подумывать, что пора мне поворачивать обратно, чтобы ночь не застала меня одного в песках. И в этот момент предсказание Саида сбылось.

Я увидел на гребне бархана тонкую и изящную фигурку, стоящую против солнца. Преодолевая жар, бросившийся мне в лицо, я тронул своего коня, и стал приближаться к ней. Стоило мне подняться на бархан, как она, увидев меня, метнулась с места в сторону, но я послал коня наперерез и уже через миг совсем близко увидел прекрасное тонкое лицо с большими глазами и приоткрытым от испуга ртом. Опустив руку на её плечо, я предотвратил возможное бегство, да и куда она могла бы убежать посреди песков, когда у меня был конь, который если даже и не мог сравниться с лошадьми Саида, всё же был вынослив и быстр.

Не спускаясь с седла, я подхватил подарок пустыни и усадил перед собой. Стройное тело было закутано в длинное просторное платье из светлой ткани, и голова была покрыта капюшоном, руки же полностью обнажены до плеч. И никаких украшений не было ни на руках, ни на шее, ни на голове, потому я уверился, что это действительно мой подарок, а не чья-то женщина, случайно оказавшаяся в песках.

Молча она пыталась освободиться из моих рук, но я держал крепко, и вскоре она перестала вырываться. С торжеством я направил коня обратно в оазис, и вскоре был уже там. Оставив коня в табуне, я снял с седла свою присмирившую добычу и направился к своему шатру. Саида я встретил по пути, идущего к своему шатру в окружении незнакомых мне мужчин в цветных одеждах.

– Привет и покой тебе, о Али, – сказал он мне, – Я рад увидеть тебя, и вижу, что слова мои оказались правдивы.

– Ты прав был, о Саид, – отвечал я, – И я сдержу своё слово.

Я повёл её к себе в шатёр не выпуская её руки, и она следовала за мной, хотя и не очень охотно. Впрочем, какого желания идти со мной мог я ожидать от той, с которой не перемолвился и словом.

Через несколько минут после того, как я опустил полог при входе в шатёр, я выскочил обратно, полный ярости и негодования, и быстро направился к шатру Саида. За запястье я держал своё недавнее приобретение, так и не прекратившее упираться. Я втолкнул это наказание в шатёр и вошёл сам. Саид уже сидел там, окружённый несколькими мужчинами племени и незнакомцами, и они, судя по всему, вели разговор о делах, но я не намерен был ждать снаружи, пока они закончат.

– Ты обещал мне, что я найду в пустыне женщину, которую получу в дар и возьму в жёны, о Саид Нур-Ашрам? – спросил я его.

– Это было, о Али, и я вижу, что слова мои исполнились, – отвечал он, сохраняя невозмутимость.

– Тогда взгляни, о Саид, что я привёз из песков!

Я рванул светлые одежды вниз, и они упали на ковры. Посреди шатра стоял молодой юноша, тонкий в кости и подобный лёгкостью девушке, но несомненно было то, что девушкой он не был. Он не имел ничего, что положено иметь женщинам, но все, что имеют мужчины. Его волосы падали на плечи подобно лунному свету, а большие глаза были, как хризолиты, и он смотрел вперёд себя безмятежно и независимо, высоко держа голову и не смущаясь ни наготы, ни бесцеремонного обращения с собой. Как будто не человек стоял перед нами, а зверь, не знающий стыда и смущения.

Ни тени сомнения не промелькнуло на лице Саида, он спокойно оглядел его с головы до ног и перевёл взгляд на меня.

– О Али, я не вижу, – произнёс он, – Ни одной причины, которая помешала бы тебе исполнить своё обещание.

– Но это не женщина!

– Это не нам с тобой решать, – сказал он, – Если пустыня дала тебе это, значит, это именно та женщина, в какой ты нуждаешься сейчас. И если пустыня так решила, значит, так тому и быть. И это разумно и правильно.

– О Саид, – вскричал я, – Опомнись! Или в твоём народе заведено мужчинам жить вместе и совершать противное замыслу создателя?!

– Пустыня дала тебе женщину, – неумолимо повторил Саид, – И если это то, что ты привёз из пустыни, значит, это и есть женщина, предназначенная тебе, как и было обещано.

И пока я искал ещё слова, чтобы возразить ему, он обратился к юноше со словами:

– Подойди ко мне, дитя песков.

Он не сдвинулся с места, и я увидел, что он не знает этого языка и не понимает, что Саид говорит с ним. И Саид понял это, потому что поманил его к себе рукой, и увидев этот жест, юноша шагнул к нем и опустился на колени. Саид протянул руку и раздвинул его веки, поворачивая голову к свету. Взглянул в глаза, светлые, как хризолиты, потом открыл пальцами его рот и осмотрел зубы. И наконец, раскрыл его ладони и оглядел линии, начертанные на руках. Тогда Саид сказал мне:

– Это будет хорошая жена для тебя, о Али. Наши женщины научат её всему, что знают и умеют сами, так что когда мы с тобой возвратимся из похода, у тебя будет жена, которая ни в чём не уступит моим жёнам.

– Но Саид, не безумие ли это?!

Я оглянулся на мужчин, сидевший вокруг, отыскивая в их лицах неудовольствие решением Саида, но увидел лишь, что они согласно кивают головами в знак того, что слова Саида

представляются им правильными и точными. Видимо, один я здесь имел самонадеянность опровергать решение пустыни, по закону которой они жили.

– Звать мы станем её Саафи, как зовем этот оттенок зеленого.

– Одумайся, о Саид! – простонал я, уже понимая, что мне не переубедить его.

– Ступай и отдохни, о Али, – ответил он мне, – Я говорю с посланниками караванщиков, и если создателю будет это угодно, то мы скоро отправимся в путь.

Пожалуй, это единственное, что могло примирить меня с реальностью. Я взял это ужасное создание за локоть и выволок его наружу. Одна из жен Саида выскользнула за нами и подала мне порванное платье из светлой материи, которая текла по моим пальцам, словно была жидкой. Потом она взмахнула руками и с головой накрыла юношу большим покрывалом. Оно тяжело обвисло, скрывая его наготу.

Я шагал широко и стремительно, не обращая внимания на то, что он не всегда успевает за мной, а тяжёлые грузы, зашитые в уголки покрывала, бьют его по ногам. В своём шатре я толкнул его на ковры и сам лёг на своё ложе, задумавшись о том, что дальше со мной будет.

Неужели я должен жить с этим существом? Я хотел бы иметь жену, которая украсила бы мою жизнь. Но не иметь жены было бы намного лучше, чем жить с мальчишкой. Я взглянул на него – он удобно уселся на коврах среди подушек, и покрывало было обернуто вокруг его плеч и рук, а край накинута на голову, скрывая волосы. Он был подобен мне тем, что имел светлую кожу и волосы, и прозрачные глаза. Но вместе с тем мы были настолько различны, что казались сынами разных народов больше, чем я и жители пустыни. Я не понимал, чем этот светлокосый юноша настолько отличается от меня, но я чувствовал это нутром, всей своей сутью. И я не сомневался в этом.

Вечером Карим, сын Саида, пришёл, чтобы позвать меня в его шатёр, и он был горд тем, что отец поручил ему это. Кроме меня в шатре собрались все воины племени. Сидя среди них, я выслушал речь Саида о том, что каравану предстоит выступить через несколько дней, и мы встретим его в песках, до тех же пор его поведёт человек из города и будут сопровождать городские воины. Когда же мы приведём караван в то место, где его ждут, мы пойдём с другим караваном и достигнем другого места, и повторяться это будет ещё не раз, прежде чем мы вернёмся назад. После того, как все беседы были переговорены, я заметил, что Саид сделал мне знак, чтобы я остался, когда все воины стали покидать шатёр.

– О Али, – сказал он мне, когда мы остались вдвоём, – Тебе не нужно бояться того, что будет происходить. Мы живём здесь по закону пустыни, и поверь мне, мой народ давно был бы поглощён пустыней, если бы мы не слушали её голос и не подчинялись её закону.

– Но Саид, – мрачно отвечал я ему, – Сам ты живёшь с прекрасными женщинами, а не с юношей, который не понимает твоих слов, и ровно дикий зверь косится на тебя.

Услышав эти слова мои, Саид Нур-Ашрам засмеялся мелодичным смехом и сказал мне:

– О Али, поверь мне, я предпочёл бы делить шатёр с юношей, которого подарили мне пески, и на котором пребывает их благословение, нежели с женщинами, которые болтливы, капризны и постоянно досаждают мне своими спорами и разногласиями. Но хотя я и вождь моего народа, и хотя пустыня открывает мне многие из своих тайн, она ни разу не делала мне такого подарка.

– Тогда давай поменяемся с тобою, о Саид, – предложил я ему.

– Я дал тебе кривую саблю, о Али. Отдашь ли ты этот подарок кому-то, если тебя попросят?

– Конечно, нет, о Саид, – фыркнул я.

– Этим даром я советую тебе дорожить так же, как кривой саблей, ибо на нём печать пустыни и её благоволение к тебе.

– Я попробую последовать твоему совету, о Саид, – скрепя сердце сказал я.

– Полагаю, что тебе не так сложно будет это, – улынулся он, – Это существо обладает всеми достоинствами хороших жён. Мои женщины научат её всему, чего она не знает, и что необходимо жене, чтобы сделать своего мужчину счастливым.

– Ты называешь меня мужем, о Саид, – возразил я, – Но лишь недавно я вернулся из пустыни, и не было ни свадьбы, ни какого-то другого обряда. Неужели в твоём народе принято мужчине и женщине становиться мужем и женой лишь по взаимной склонности, минуя обычай предков и начертания создателя?

– То, что пустыня даёт сама и по собственной воле, не нуждается в освящении человеческими традициями, о Али.

– Хорошо хоть так, – вздохнул я.

Мне нисколько не улыбалась перспектива демонстрировать это неподходящее в жёны мужчине существо перед всем оазисом на свадебном обряде.

– Не тревожь своей души бесплотными волнениями, о Али, – примирительно произнёс Саид, – Очень скоро ты станешь счастливым обладателем женщины, совершенной по красоте своей, которая к тому же думает и поступает так, как велит наш закон и обычай.

– Но я не могу познать это существо, как женщину...

– И если ты желал соединиться с моим народом, о Али, – он наклонился ко мне, – То нет вернее пути, чем познать этот дар песков. Пустыня знает, в неизреченной мудрости своей, что кому даровать.

– Мне осталось лишь довериться тебе и уповать на твою правоту, о Саид, – сказал я ему, понимая, что бессмысленно спорить.

– Пусть Саафи придёт завтра в мой шатёр с утра. Вот покрывало, чтобы она могла прикрыться, и вот украшения, чтобы она не чувствовала себя обделенной, когда придёт в шатёр к моим жёнам.

С этими словами Саид подал мне красивое синее покрывало из тонкого шёлка и пару золотых вещей с подвесками, намного более скромных, нежели у его женщин. Я с благодарностью принял всё это из его рук, подумав, что Саафи, на мой взгляд, вполне подходящее имя и для мужчины, и что никакие силы не смогут заставить меня считать его женщиной.

Если только случится чудо, и он станет ею... Может ли быть такое, что Саиду и его жёнам известен способ превращения мужчины в женщину? Почему бы не допустить такую возможность, раз он с такой лёгкостью пообещал мне женщину взамен мужчины? Кто знает, может быть Саиду довольно окатить мою находку из горсти кипятком, или осыпать золотыми цехинами, чтобы он обернулся прекрасной женщиной, как и было обещано. А может быть такие, как он, найденные в песках, рождаются среди барханов, подобно тому, как облако возникает в небе, и становятся красавицами, стоит им лишь провести ночь в шатре среди людей.

Наутро я благоразумно проверил, что странный подарок пустыни ещё оставался мужчиной. Значит, ночь в человеческом шатре это не то средство, какое подходит в этом случае. Но надежда на то, что мудрость и познания Саида окажутся превыше странных выходов окружающего нас мира, ещё не оставляла меня.

Когда одна из жён Саида, закутанная в узорчатый платок, пришла, чтобы взять Саафи и повести его с собой, я дал ему в руки присланное Саидом покрывало и золотые подвески, и выставил из шатра. Он был нисколько не выше её ростом. Из-за откинутого входного полога я видел, как она накидывает на него ткань, укрывшую его с головы до пят, и закрывает лицо, и прилаживает украшения и гладит его по щеке заботливым жестом умудрённой жизнью женщины, сочувствующей подруге, хотя вряд ли эта молодая красавица была намного старше Саафи. Потом они удалились, и со спины я не смог бы отличить мужчины от женщины ни по виду, ни по походке, если бы не знал, кто есть кто.

Весь день я упражнялся с другими мужчинами во владении саблей и верховой езде. Ожидая их насмешек, я был изрядно удивлён тому, что ни один не подшутил надо мной и тем,

что я привёз из песков не женщину. Лишь под вечер, когда я уже умылся у колодца, разделил трапезу с воинами и вернулся в шатёр, пришёл Саафи.

Когда я увидел его, то почти готов был поверить, что он и впрямь стал женщиной за этот день, но памятуя о том, что когда он уходил утром, был точно так же неотличим от женщины, я не спешил с радостными выводами, оставляя место для знания в своей душе.

Он снял изар, и я увидел, что на нём длинное платье с рукавами, перевязанными над локтями узорными тесёмками, и такой же пояс, и красивый головной платок, изящно повязанный на волосах. Видимо, старое его платье с капюшоном, открывающее руки до плеч, да к тому же порванное, жёны Саида нашли неподобающим, и дали ему что-то из своих вещей. Золотые побрякушки были приспособлены на висках.

Я пристальным взглядом осмотрел его стан, обрисованный шёлковыми волнами, и сглотнул пересохшим горлом. Иссякли чудеса в этом мире, потому что женщиной Саафи не стал. Мои глаза уже знали, где искать подвох, и видели, что он остался мужчиной в той же мере, как и был им, когда я привёз его из песков. Если бы я точно не знал, что он мужчина, я никогда не подумал бы этого.

Однако я встал и подошел к нему, и ощупал его тело рукой через одежду, и задрал подол его наряда до ушей, чтобы убедиться, что чуда не произошло. И нет, чуда не произошло.

Но я должен был признать, что платье так искусно подогнано по его фигуре, что ни один мужчина вне шатра не распознал бы в нём женщину. Он был хорош и привлекателен, как любая женщина, только более светлая масть отличала его от людей оазиса. Большие, красиво вырезанные глаза цвета хризолитов были искусно обведены тёмной краской, как принято было у здешних женщин, и от того, казалось, ещё ярче сверкали. Также и губы его были покрыты каким-то средством, делавшим их ярче и сочнее. И это были отличные губы, если бы только они не принадлежали мужчине.

Он поклонился мне низко и с большой грацией, потом налил в чашку из кувшина прохладного освежающего напитка и подал мне, потупив глаза и встав на колени у моего ложа. От него терпко пахло какими-то благовониями. Я взял у него чашу и напился. Потом он устроил себе постель на другой стороне шатра и лёг. Ни один из нас не произнёс и слова.

Так прошло несколько дней до того часа, когда мы должны были отправляться навстречу каравану. С восходом Саафи брал кувшин и уходил к колодцу, у которого болтали поутру женщины, а принеся воды, уходил в шатёр Саида, и до моего возвращения успевал управиться со всеми женскими делами. В шатре всегда было чисто и приятно пахло, была приготовлена вкусная пища, и моя постель была ровно застелена, а подле неё на подносе были приготовлены фрукты и напитки, чтобы я мог освежиться вечером.

Я же посвящал свои дни общению с другими воинами и упраниями. Саид хвалил меня, и сам я убеждался, что искусство боя, которым я владею, не подвластно пустынным воинам. Моего напора не мог выдержать ни один из них, мои удары оказывались для них слишком тяжёлыми и они могли только увернуться от них, поскольку для этого были достаточно проворны.

Воины также упражнялись с копьями, которые были слишком короткими для моего роста, но удобными для метания, как легкие дротики. Такое копьё можно было метнуть с седла, но можно было сражаться им, не выпуская из рук. У некоторых копий были широкие наконечники, которыми можно было зарезать конного с земли, и крючья, которыми при должном умении легко было стащить всадника с коня.

Были у них и боевые топоры на длинных изогнутых рукоятках, которыми они весьма ловко могли поражать противника в ближнем бою. Таким топором мог орудовать и конный, и пеший, поэтому у многих я видел за поясами такие топоры на тот случай, если они будут должны спешиться и биться на земле.

Луки я видел у них короткие, удобные для всадников, и длинные, с которых можно обстреливать позиции противника, стоя в отдалении. В походе я не видел таких луков, а в селении многие юноши упражнялись с ними, стреляя в весьма отдалённые мишени.

Доспехи на них были с кольчугами, скрытыми в толщине тканой одежды, либо кожаные, которые не нагревались на палящем солнце, как металл кольчуги. Я видел и лёгкий доспех, который воины накидывали через голову на грудь и спину, и тяжелые брони, покрывавшие от шеи до колен. Шлемы у них были такой формы, что удар сабли проскальзывал, теряя свою силу.

На меня не нашлось доспеха, и Саид прислал мастера, который пришёл с кольчугой и инструментами. Он разогнул колечки по бокам, раскрыв кольчугу, сплёл широкие полосы и вставил их в бока от края рукава до подола. Чтобы кольчуга не нагревалась, мне дали белую накидку из полотна. Мастер обещал, что к следующему походу сделает лёгкий кожаный доспех специально для меня, потому что такую броню нельзя было увеличить. Я не верил, что кто-то сможет достать меня в бою своим оружием, но не стал спорить. Мне нравилось, как броня отяжеляла тело.

В какой-то день я нарочно прошёл близ колодца, и видел издали, что девушки и женщины стоят и болтают, как и прежде, и смеются беззаботно и рассказывают друг другу что-то. И с ними стоял и Саафи, несколько не выделяясь из них ни ростом своим, ни статью, ни повадками. Он смеялся весёлым смехом, и кивками либо покачиваниями головы и самыми простыми и короткими словами отвечал девушкам на их вопросы. Его голова была покрыта платком так же точно, как и головы других женщин, и если бы я не знал, никогда не смог бы отличить в нём мужчину.

И когда он поставил на плечо кувшин и пошёл вместе с девушками к шатрам, его походка была точно такой же, как у них, и бедра покачивались из стороны в сторону, и неподвижно плыл прямой стан, и тонкая рука едва придерживала тяжёлый кувшин.

– Твоя жена красивее и привлекательнее многих, – сказал мне Саид, увидев мою задумчивость, когда я появился на площадке для упражнений.

– Да услышит твои слова создатель, о Саид.

– Приходи вечером в мой шатёр, о Али, – улыбнулся он, – Я хочу показать тебе забаву, предназначенную лишь для мужчин.

– Что же это?

– Как я могу сказать тебе сейчас? Вечером я покажу.

Весь день я был в ожидании новой забавы, и потому явился в шатёр Саида сразу же, не успело солнце закатиться за горизонт.

Нам подали вкусную пищу, и я торопливо насытился. Саид сделал знак, и когда убрали остатки нашей трапезы, юный Карим принёс низкий столик, крышка которого была составлена из квадратов чёрного дерева и перламутра. Саид достал богато расшитый шелками и золотом мешочек и развязал шнурок на его горловине. Из мешочка он высыпал резные статуэтки. Половина их была из тёмного камня с прожилками, а другие – из светлого, с искрой.

Саид принялся расставлять фигурки на столе, и на каждый квадрат ставил одну статуэтку. Сперва я решил, что тёмные фигурки надо ставить на тёмные квадраты, а светлые – на перламутровые, но Саид расставил их вперемежку, но в определенном порядке. Я внимательно наблюдал за ним, ожидая пояснения.

– Смотри, о Али, – он закончил расставлять фигурки на столе, – Сегодня я покажу тебе величайшую забаву, которой предаются мужчины. Это две армии, что готовы вступить в бой. В первом ряду стоят солдаты, пехотинцы.

Я взял в руку одну из фигурок с перламутрового квадратика. Маленький пехотинец был вырезан с большим искусством, даже хмурое лицо мастер обозначил несколькими линиями резца. Целая шеренга маленьких пехотинцев. В другую руку я взял солдатика другой армии –

он был вырезан по-другому. Наряд и оружие светлых воинов отличались от вооружения темных. Я поставил пехотинцев обратно на стол.

Две армии были одинаковы по смыслу, но различны по исполнению. По краям стояли осадные башни с лестницами и таранами – что они собирались таранить на доске, где не было крепости? Всадники – у одних были сабли, а у других копыя. Куда они поскачут на своих конях, которые закидывали головы и закусывали удила перед боем? Каждой армией правил владыка в короне, и подле него стоял маршал в тяжёлом вооружении.

Саид терпеливо ждал, пока я рассмотрю и сравню все фигурки между собой, постигнув и порядок, в котором они стоят на столе, и соответствие, в котором находятся мощности двух воинств.

– Вот две армии, что готовы вступить в бой, – повторил он, – Фигуры продвигаются, убивают друг друга, чтобы достичь победы в бою.

– Две армии, равные по силе и количеству воинов? – спросил я, – Так не бывает, о Саид. Даже если предположить, что каждая фигурка изображает десяток солдат, или полк, отряд... Всё равно – не может быть двух армий, равных по числу и конфигурации войска. Даже если у одного командира столько же людей, он сформирует другие отряды и полки, как не сделает никакой другой военачальник.

– Ты прав, о Али, но это игра, в которой силы противников равны поначалу. Если дать им разные войска, преимущество будет у одного из них.

– Это как в жизни.

– Но это игра, в которую мужчины играют, чтобы выяснить, кто из них сможет побить другого. А для этого нужны равные силы с каждой стороны. Так мужчины соперничают только своим умением и разумом.

– Мужчины твоего народа развлекаются, играя в куклы, как маленькие дети? Придумывая несуществующие армии и сражения на столе в клетку?

Саид засмеялся, моё непонимание не обижало его, а веселило.

– Я всё-таки покажу тебе, о Али. Если не захочешь, ты можешь не играть в эту игру. Но я хочу, чтобы ты понимал, что происходит, когда будешь видеть, что воины играют в эти игры на привале, или старейшины сидят над партией, или отцы наставляют мальчиков в военной игре.

– Ты прав, о Саид, – признал я, – Мне нужно понимать, чем заняты люди. Покажи мне, что делают эти фигурки, чтобы воевать.

Саид поставил фигурки на стол и стал рассказывать о правилах, по которым они ведут войны.

– Но за один раз можно подвинуть только одну фигуру.

– В сражении не так!

– Это пехотинцы. Первый шаг солдат делает на два поля, а каждый следующий – на одно. Солдат идет только вперед, он не может обойти другую фигуру, но бьет всегда наискось.

– Не очень-то это верно, – пробормотал я.

– Башня катится только по прямой, вперед или вбок. Всадник может перепрыгнуть через любую фигуру. Рыцарь следует только наискосок. Маршал ходит и прямо и по косой, но не может перескочить через фигуры.

– Я запомнил, о Саид.

– Владыка не ходит дальше, чем на одно поле в любую сторону.

– Почему? – спросил я, – Почему сам полководец не идет в атаку со своей армией? Почему военачальник скрывается за спинами солдат, вместо того, чтобы возглавить их наступление? Разве командир – не самая сильная фигура в бою?

– Ты прав, о Али. Командир самая сильная фигура в бою. Но он важен потому, что все слушаются его. Если убить командира, армия не сможет биться.

– Почему?

– Такие правила.

– Разве такие правила в бою, о Саид?

Он тонко улыбнулся.

– Начинают светлые фигуры, о Али.

Долгое время мы просидели за столом, передвигая фигурки по квадратикам. Саид объяснял мне правила, и показывал, как лучше полководцу выстраивать стратегию, чтобы добиться победы в бою. Много раз я делал ошибки, и много раз он поправлял меня, потому что только игра по правилам приносила победу в этом сражении.

– Если полководец – всего лишь каменная статуэтка на крышке стола, – спросил я, сжимая в ладони командира своей армии, – То кто мы с тобой, о Саид, управляющие полководцами и движущие армиями?

– Боги, о Али, – ответил он, – Мы с тобой – высшие существа, что вселяют мысли и помыслы в головы полководцев, мы заставляем их отдавать приказы армиям, мы посылаем в бой полки и управляем сражениями.

– Это пристало мужчине более, чем воинская забава? – недоверчиво спросил я.

– Можно и так сказать, о Али. Потому что биться оружием может не каждый мужчина. А эта забава доступна и мальчикам, и старикам.

– В чем же тут доблесть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.